

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СУБЪЕКТЫ *

Статья посвящена анализу политической субъектности, ее становлению и функционированию в современном политическом пространстве. Особое внимание уделено рассмотрению дихотомии «публичное – частное». Утверждается, что для адекватного описания политической субъектности важно в первую очередь наличие необходимых свойств и отношений и уже потом – локализация субъекта в сфере публичного или частного.

Ключевые слова: политическое, политические субъекты, публичное и частное, свойства и отношения, участие, рациональность.

Традиционная философия политики характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, она занята размышлениями об идеальных или рациональных общественных институтах. Именно оптимальное устройство всего общества посредством должной организации политических институтов и отличает эти философские поиски от Платона до современных приверженцев общественно-договорной традиции. Во-вторых, традиционная политическая философия имеет дихотомию публичное – частное [Алексеева, 2005а]. При этом предметом исследования становится именно публичная сфера, а частная жизнь остается без внимания, точнее, отдается на откуп философам морали.

В последнее время ситуация существенно изменилась (в том числе и благодаря философам постмодерна). Уже очевидно, что и в частной сфере существуют ценностные конфликты по поводу прав и обязанностей, проблемы справедливого распределения, а вся сфера полностью пронизана властными отношениями самого разного уровня. Другими словами, частная сфера обременена теми же конфликтами и отношениями, что и сфера публичная. Осознание этого ведет к необходимости пересмотра всей конфигурации политического, т. е. всего категориаль-

ного аппарата, начиная с самых базовых понятий, таких как политический субъект, политические свойства, политические отношения. И, конечно, в первую очередь необходимо размышление о том, что представляет собой само «политическое», так как именно оно задает характеристики соответствующей субъектности и соответствующих отношений.

Исследовательская ситуация осложняется общим настроением скептицизма по отношению к таким понятиям, как объективность и истина. Кроме того, вслед за философией науки характерной чертой современных социально-гуманитарных исследований стало признание того факта, что объект исследования выделяется в рамках некоторой общей теории. Какой-то единственно верной или универсальной исследовательской позиции не существует. Для философии политики этот общий тезис трансформируется в тезис об отсутствии единой и неоспоримой политической реальности, частью которой предположительно являются и политические субъекты.

В последнее время довольно часто можно услышать выражение «кризис субъектности». Он характерен не только для политики. В философии морали и права этот кризис связан с проблемой изменения границ ответственности и определения субъек-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-03-00569а).

та ответственности – ретроспективной и перспективной. Эта проблема становится особенно острой в условиях глобализации и в ситуации конфликта частных и общих норм как права, так и морали. Крайним выражением проявления кризиса субъектности (или, как иногда говорят в отечественной общественной науке, «кризиса субъективности») в политике часто считают саму утрату субъектности, о чем мы уже писали в более ранней статье [Шевченко, 2004]. Причины этому разные, и не в последнюю очередь трудности идентификации и самоидентификации политических субъектов связаны именно с пониманием того, чем является и чем становится политика, т. е. с проблемой определения границ политического. Понятно, что в реальной политике политические субъекты продолжают действовать, речь здесь идет о «потере» субъекта в теории. Теоретические трудности усугубляются огромным разнообразием подходов, что подчас ведет к несоизмеримости словарей. Политическая субъектность исследуется при обсуждении проблем и концепций демократии, глобализации, власти, справедливости. Часто эта проблематика обсуждается как на языке (само)идентичности, так и (само)идентификации.

Следует отметить, что, говоря о политической субъектности в самом общем виде, мы пытаемся отвлечься, насколько это возможно, от известных решений и дихотомий – например, сами термины «субъект» или «субъектность» вовсе не обязательно сразу же предполагают жесткую дихотомию между субъектом и объектом, в рамках которой активный субъект воздействует на некоторый пассивный социальный объект понимаемый как в качестве политического института, так и в качестве социальной реальности в целом. Отвлекаемся мы и от организационно-институционального подхода, в рамках которого под субъектами политики понимаются институты, чаще всего государственные. Не будем пока выделять «основных» и «производных» агентов политических отношений, поскольку это достаточно подробно рассматривалось в отечественной политологии.

Нас скорее интересуют сами условия возможности политической субъектности в ситуации переконфигурирования сферы политического, изменения границ между публичным и частным в условиях отчуждения

людей от публичной политики вследствие растущей зависимости политики от экономики, а также вследствие бюрократизации, смещения центров принятия политических решений в глобализирующемся мире. При этом в качестве «основной клеточки» политической субъектности мы имеем в виду политического индивида, а основной вопрос формулируется следующим образом: что значит быть субъектом политики в современных условиях?

Можно выделить две основные проблемы, связанные с описанием политической субъектности. Первая возникает при необходимости выбора языка описания. Политический субъект можно описывать либо в терминах свойств (что хотя и «не модно», но по-прежнему вполне осмысленно), либо в терминах отношений. Вторая, главная проблема заключается в необходимости понять, где проходят границы политического. Лишь поняв то, где пролегают границы публичного и частного, мы можем начинать поиски политического субъекта, как бы мы его ни описывали – через свойства или отношения.

Начинать поиски политического субъекта можно с языка. О том, что язык конституирует человека как общественное животное, писал уже Аристотель (Pol. I 2, 1253a7–19): «Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью <...> Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо... Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» [Аристотель, 1984. С. 379].

По аналогии с анализом, предложенным П. Рикером в отношении субъекта права, мы также можем сказать, что субъект политики – это прежде всего тот, кто говорит. Точнее, тот, кто может, способен, компетентен пользоваться языком в политических целях, а также брать на себя ответственность самим фактом своего авторства [Рикер, 2005. С. 30–40]. Но для того, чтобы стать подлин-

ным субъектом (права), необходимы условия актуализации способностей этого субъекта: возможность пользоваться языком, оценивать свое поведение, брать на себя ответственность. При этом П. Рикер полагает, что преимущественной средой для реализации подобных человеческих потенциалов, в том числе и для субъекта права, является именно политическое, этическая ценность которого – справедливость [Рикер, 2005. С. 38–39].

Если попытаться дать дискурсивную характеристику политического, то можно выделить две основные традиции. В одной традиции политика понимается как борьба за власть или, лучше сказать, по поводу власти. Это не обязательно прямая конкуренция за властные позиции и полномочия, но часто борьба между теми, кто обладает властью или стремится к ней, и теми, кто с этим пытается бороться и ограничить властное влияние на свою жизнь. Другое понимание политики, также нашедшее свое отражение в дискурсе, исходит из понимания общества как кооперативной схемы, внутри которой люди стремятся к справедливому сотрудничеству. Таким образом, мы имеем два основных варианта характеристики политического – через власть и через справедливость. При этом обе этих разновидности дискурса могут вполне успешно маскироваться под третий, в котором политическое – это то, что делается ради блага человека. Так, в исследовании, посвященном политическому языку и метаязыку политической науки, В. Мартьянов отмечает, что «центральным дискурсом политики становится борьба идеологий за нормативную интерпретацию сущности человека как «*summum bonum*», именем которого интерпретируется любое политическое действие» [Мартьянов, 2003. С. 56].

Говоря о том, что политическое и политическая субъектность во многом определяются языком, мы имеем в виду даже не просто язык, а целую систему коммуникаций, которая складывается после того, как другие признают некоторое речевое поведение политическим языком, а за индивидом – право на такое поведение. Однако описание политического субъекта через политический язык и политический дискурс хотя и может помочь опознать субъекты на практике или ограничить их число, но все же не решает основную теоретическую задачу по поиску

критериев политической субъектности. Проблема здесь в том, что идентификация того или иного языка как политического также требует каких-то внешних критериев.

Конечно, если мы видим животное, пользующееся речью, то, скорее всего, мы имеем дело с животным разумным. Единственная проблема – опознать некоторый символ или последовательность символов в качестве знаков, имеющих значение и смысл. Эта проблема является фундаментальной для философии языка – по каким критериям мы можем определить, что последовательность звуков, издаваемая человеческим детенышем, является осмысленной, а нарисованная муравьем на песке последовательность линий не является карикатурой на Уинстона Черчилля? [Патнем, 2002. С. 14–19]. Те же трудности возникают и с идентификацией политического языка именно как политического. Поэтому подобный критерий политической субъектности нуждается в перекрестной проверке на наличие свойств и отношений.

«Новейший политологический словарь» (1997) выделяет две основные характеристики политической субъектности: 1) сознание, необходимое для практического осуществления политических целей и идеалов, включающее знание об объекте, а также ценностно-оценочную шкалу; 2) активность (само реальное действие). В первом условии речь идет не просто о сознании как существенной характеристике человека разумного, а о сознании специфическом. Однако поскольку практическое сознание направлено на реализацию целей, а политические цели предполагают участие в их осуществлении других субъектов, то практическое сознание оказывается опрокинутым на совместное действие, существенной характеристикой которого является рациональность, причем особого вида – коллективная. В качестве минимального требования к политическому субъекту можно полагать наличие способности различать между рациональностью индивидуальной (преследованием личного интереса) и рациональностью коллективной (понимаемой как стремление к достижению общего блага, основанное на ясном осознании издержек и выгод такого поведения) [Шевченко, 2004].

Воля, переходящая в действие, – необходимое условие, позволяющее выделять из апатичной массы политические субъекты.

Однако регулярные, системные, систематические действия обычно описываются на языке «участия». Главный вопрос заключается в том, что значит в современном мире политическое участие? Ограничивается ли оно двумя, теперь уже стандартными формами: 1) участием в некоторых формальных процедурах, влияющих на власть, например участием в выборах; 2) участием в публичном и рациональном дискурсе в духе Хэбермаса? Основания для сомнений возникают по одной и той же причине – радикальное расширение сферы политического в современном обществе неизбежно ведет к пересмотру соотношения между публичным и частным. Политическое участие может обнаружиться в самых неожиданных сферах, внутри того, что раньше считалось безусловно частным. Согласимся с Т. Алексеевой в том, что «именно здесь, размышляя о соотношении публичного и частного, и следует искать политическое, а не через определение друзей и врагов» [Алексеева, 2005б. С. 15]. И уже внутри сферы политического можно искать политические субъекты.

Перейдя от таких сущностных свойств политического субъекта, как «рациональность» и «воля», к рассмотрению понятия «участие», мы совершили гораздо более общий переход – от описания субъектности через свойства к ее описанию через отношения. Но что такое отношение участия? Чаше философы задаются вопросом: почему люди вообще принимают участие в политике, казалось бы, вопреки требованиям инструментальной рациональности и неразумной трате сил и времени на действия, отдача от которых не велика. При этом хрестоматийным примером политического участия можно считать участие в выборах. Но все чаще звучит вопрос: что значит само участие? Как оно может быть выражено, кем и в каких формах, для того, чтобы считаться участием политическим? Можно ли по-прежнему понимать участие как любое действие по отношению к политической системе? Относятся ли к политическому участию сопротивление и гражданское неповиновение? Нужно учитывать тот факт, что в современном мире механизмы принятия политических решений очень сильно бюрократизированы и рационализированы, что уменьшает влияние публики на принятие решений.

Конечно, отношение участия – это не единственное отношение, создающее политического субъекта, хотя, возможно, и ключевое. В общем виде подход к поиску политической субъектности через отношения формулирует современный французский философ Ж. Рансьер: «Политика не может определяться никаким субъектом, который ей предшествовал бы. Именно в форме политических отношений следует искать политическое “различие”, позволяющее мыслить субъект политики» [Рансьер, 2006. С. 197]. Идея о том, что человек – продукт общественных отношений, конечно, не нова. Интерес здесь представляет акцент на специфике отношений, формирующих политическую субъектность. Эти отношения сугубо политические – до и вне их политические субъекты не существуют.

Таким образом, поиски политической субъектности ведутся в двух направлениях: как поиски свойств субъекта (сознание, рациональность, способность к коллективному действию), так и поиски отношений, задающих саму область политического. Проблема, однако, заключается в том, что у нас отсутствуют какие-то объективные и надежные средства для приписывания тех или иных свойств и отношений. Конечно, некоторые (политические) отношения кажутся настолько очевидными, что мы принимаем их, просто следуя здравому смыслу. Таковы, например, отношения власти или отношения господства и подчинения. Другие отношения начинают требовать уточнения и конкретизации, например такое «классическое» отношение, как «управление» (политика – искусство управления государством). Некоторые же отношения, предлагаемые в качестве политических, еще менее очевидны (в качестве примера можно привести то же отношение «признания»). Ж. Рансьер, отталкиваясь от стандартного понимания политики как искусства управления, считает «узлом политического вопроса» точку пересечения между практиками управления и формами жизни, полагаемыми в качестве их основания [Рансьер, 2006. С. 11]. Более интересно его предложение различать политику как искусство управления (полиция) и политику как попытку реализации в жизни идеалов равенства (и, добавим, справедливости). При этом субъект управления (полиция) понимается как субъект нормализации. Полиция находится в постоянном и беском-

промиссном противоборстве с политикой. Она пытается скрыть проблематику справедливости, в то время как политика пытается ее обнаружить. Полиция, таким образом, в широком смысле понимается как «призыв к очевидности того, что есть, или, точнее, того, чего нет» [Раньсер, 2006. С. 211].

Если принять такое разделение, то приходится согласиться и с тем, что поскольку полиция постоянно пребывает в публичном пространстве, политика существует практически в подполье, периодически проявляясь «на поверхности» в виде отдельных акций, манифестаций, иных проявлений политической субъектности. «Тем самым политика не имеет ни собственного локуса, ни естественных субъектов... политическая манифестация является всегда точечной, а ее субъекты – кратковременными. Политическое различие всегда находится на грани исчезновения: народ почти растворен в населении или расе, пролетарии почти смешиваются с трудящимися, защищающими свои интересы, пространство публичной манифестации народа – с агорой купцов и т. д.» [Там же. С. 214].

По мысли Раньсера, исключение людей из числа политических субъектов в рамках полиции происходит очень просто – мы не видим и не слышим тех, кого не хотим видеть и слышать. Исключить их из публичного пространства – значит исключить из публичной политики. Но в этом случае возникает вопрос, где находятся эти кратковременные потенциальные субъекты публичной политики, каким образом они приобретают качества, позволяющие им манифестировать свою политическую субъектность, а затем покидать пространство публичной политики? Как представляется, единственно возможный ответ состоит в том, что политическая субъектность существует одновременно в публичном и частном. Но личность в таком случае все равно вынуждена искать идентификацию с тем или иным способом существования политической субъектности, и этих два ее модуса (кратковременное существование в публичном пространстве и полупатентное существование в частной сфере) в принципе могут даже не соприкоснуться между собой. Таким образом может объясняться уход в частное, приватное, переосмысление всей специфики

политических отношений как политики. Ведь именно в сфере частного мы можем искать и достигать желаемого равенства и справедливости, автоматически претендуя и на политическую субъектность, продолжая жить и развиваться как за пределами либеральной политической справедливости, вне перекрещивающегося консенсуса Ролза, в котором фиксируется зона публичного политического согласия, так и вне досягаемости нормализующего влияния полиции. Но тогда для идентификации политической субъектности не имеет особого смысла использовать привычное деление на публичное и частное.

Различие двух аспектов политического вовсе не означает, что границы между публичным и частным стираются. Они важны для сохранения как одной, так и другой сферы. Т. Алексеева предлагает следующее условие сохранения частной сферы. Частная сфера сохраняется «до тех пор, пока люди сохраняют свое право отвергнуть внешнюю интерпретацию своей личности (за исключением случаев, когда человек является пациентом врача, т. е. находится в заведомо неравной ситуации, и в ряде аналогичных случаев)» [Алексеева, 2005б. С. 15]. Остается вопрос: что происходит с человеком как с политическим субъектом в том случае, когда он действительно отвергает эту внешнюю интерпретацию? Прекращается ли тогда его политическая субъектность или же она продолжает конституироваться отношениями справедливости, в которые человек неизбежно вступает, а также авторством его политических оценок, на которые он сохраняет право? Представляется, что при выходе из публичного пространства политическая субъектность не может полностью исчезать, если сохраняются хотя бы важнейшие ее характеристики – наиболее значимые свойства, отношения и диспозиции.

Список литературы

Алексеева Т. А. «Публичное» и «частное»: где границы политического? // Философские науки. 2005а. № 3. С. 26–39.

Алексеева Т. А. «Публичное» и «частное»: где границы политического? // Философские науки. 2005б. № 4. С. 5–15.

Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

Мартьянов В. С. Метаязык политической науки. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 236 с.

Патнем Х. Разум, истина, история. М.: Праксис, 2002. 296 с.

Раньсер Ж. На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.

Рикер П. Справедливое. М.: Гнозис; Логос, 2005. 304 с.

Шевченко А. А. Субъекты политической философии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия и право. 2004. Т. 2. Вып. 1. С. 111–117.

Материал поступил в редколлегию 15.04.2008

A. A. Shevchenko

Politics, the Political and the Subjects

The article focuses on the analysis of political subjectivity, its formation and development in modern political space. Special attention is paid to the public-private dichotomy. It is argued that adequate description of political subjectivity requires the presence of its necessary properties and relations, and only then – localization of the subject in the public or private sphere.

Keywords: the political, political subjects, the public and private, properties and relations, participation, rationality.